

ПОДОВЩИНА

свадьбы

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ПЬЕСА

■
Перевод с польского
В. ЧЕСТНОГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Зенобия.

Мать Анджея.

Слепая.

Начальник милиции.

Крестьянин.

Столовая в квартире Анджея и Зенобии. Атмосферу пьесы определяет медленное, но неуклонно усиливающееся опасение за жизнь Анджея, причем у Зенобии и Матери Анджея оно проявляется по-разному. Шум каждого проезжающего автомобиля, шаги на лестнице, каждое движение Зенобии и Матери к окну и то, как они прислушиваются, их взгляды, жесты и т. д. (намеченные в тексте лишь ориентировочно) — все это должно усиливать тревожную тональность, что, в свою очередь, порождает и усугубляет драматизм. Если Зенобия не способна скрывать свои чувства, то Мать Анджея лучше владеет собой; это объясняется как различием их характеров, так и самой ситуацией.

Действие пьесы происходит в наши дни в маленьком провинциальном городке.

Зенобия стоит у стола и пытается вставить свечу в подсвечник. Свеча слишком толста. В этот момент за окном раздается шум проезжающего автомобиля. Зенобия подбегает к окну. Как бы разочаровавшись, быстро подходит к телефону, берет трубку.

Зенобия. Галинка, говорит Зеня. Пожалуйста, соедини меня поскорее с больницей. Нет, ничего не случилось, просто уже шестой час, а я понятия не имею, что с Анджеем. Нет, сегодня не ожидалось никаких трудных операций, но, конечно, всякое бывает. Больница занята? Хорошо, немного погодя. *(Кладет трубку, подходит к столу, берет свечу и выходит из столовой.)*

Телскамера некоторое время блуждает по комнате, показывая ее обыкновенную обстановку, лишенную каких-либо характерных особенностей. Две двери. Стол, накрытый на двоих. На диване, креслах и двух столиках кружевные салфетки — кривобокие, неуклюжие. Их изъязыны бросаются в глаза. Под конец «обзора» телекамера останавливается на типичной для маленьких городков свадебной фотографии Зенобии и Анджея в узкой, украшенной орнаментом рамке.

Зенобия возвращается в столовую со свечой и бутылкой вина. Подойдя к столу, зажигает спичку, подогревает нижний конец свечи и вставляет ее в подсвечник. Затем подходит к шкафу, открывает его, достает коробочку, вынимает из нее кольцо, надевает на палец, разглядывает и уже собирается снять, как вдруг начинает звонить телефон. Зенобия бросается к нему и хватается трубку.

Больница освободилась? Спасибо тебе, Галинка! Алло, говорит Зенобия. Пан Казимир, Анджей до сих пор не вернулся домой, что случилось? Уехал? Ах, в Быстрицу. Да, да, это ужасно. Взял свою машину? Боже милостивый, там такая опасная дорога, и вдобавок сегодня так скользко. Ну ничего. Благодарю вас, буду ждать. А если он приедет с больной, пусть сейчас же позвонит мне. Спасибо. *(Кладет трубку, с минуту стоит в нерешительности, словно задумавшись о чем-то.)*

Стук в дверь. Зенобия выходит и спустя минуту возвращается с Матерью.

Проходите, пожалуйста. Пана доктора... то есть моего мужа нет дома, но он скоро вернется.

Мать. Хорошо, я подожду.

Зенобия. Садитесь, пожалуйста, нет, лучше сюда, здесь вам будет удобней и теплее.

Мать. Спасибо. *(Садится. На вид ей лет 65—70. Одета весьма элегантно. Видно, что она умеет и старается заботиться о себе.)*

Зенобия. Вы приезжая?

Мать. Да.

Зенобия. Далеко ли живете?

Мать. Не очень, во всяком случае «отсюда не видать», как говорят иногда. Кстати, из этого городка действительно не много «видать».

Зенобия. Кто его знает! Тот, кто прожил тут всю жизнь и привык...

Мать. Привык, говорите? Да... Возможно, те, кто живет здесь со дня рождения и ничего более в жизни не видел... Но, очевидно, есть тут и приезжие. Разве они тоже, как вы выразились, «привыкли»?

Зенобия. Пожалуй, да. Например, Анджей, мой муж... родом не отсюда, а все же...

Мать. Тоже «привык»? Это вы хотели сказать?

Зенобия. Пожалуй, да. Впрочем, мы никогда не говорим об этом. Мой муж всегда очень занят. Ведь он и в больнице, и постоянно к больным ездит. Тут кругом деревни, а до тех, что поближе к горам, даже на машине трудно добраться, если снежные заносы, или дожди льют, или гололедица, как, например, сегодня. Но если надо, мой муж едет.

Мать. Понимаю.

Зенобия. А кроме того, он постоянно должен подучиваться. То и дело ему присылают разные книжки, в том числе заграничные. Муж говорит, что он должен быть в курсе всех новостей по своей специальности, иначе... вы сами понимаете.

Мать. Понимаю.

Зенобия. И поэтому ему просто некогда раздумывать, нашел он в нашем городишке свое место или только привык. Вы приехали познакомиться с моим мужем?

Мать. Вас это удивляет? Ваш муж пользуется отличной репутацией и как хирург, и как диагност.

Зенобия. Я это знаю.

Мать. Однако поймите в виду, что порой даже самый превосходный врач нуждается в помощи специалиста.

Зенобия. Но ведь мой муж не болен!

М а т ь. А может быть, он просто настолько занят, что не отдает себе отчета в этом?

З е н о б и я. Простите, но я не понимаю.

М а т ь. Увы. *(Пауза.)* Теперь, в свою очередь, я прошу извинения за нескромный вопрос.

З е н о б и я. Слушаю вас.

М а т ь. Вас, случайно... не смущает то общественное положение, которое ваш муж занимает в milieu, то есть в обществе этого провинциального захолустья? Как-никак... простите... но не в любом интерьере уместен персидский ковер.

З е н о б и я. У нас нет персидского ковра, сударыня, но я рада, что вы приехали к моему мужу. Это означает, что даже в таком провинциальном захолустье, как наше, можно добиться славы.

М а т ь. Вы преувеличиваете. В этом городке наверняка легче живется, но о славе, я полагаю, не может быть речи. Пан доктор еще в больнице?

З е н о б и я. Нет. Собственно, работа кончается в три часа...

М а т ь. Видно, не слишком торопится домой.

З е н о б и я. Простите, вы, пожалуй, сделали неправильный вывод. Но вы, надеюсь, понимаете, что врач не всегда может оставить больного. Часто бывает так, что вдруг кому-то понадобится неотложная помощь...

М а т ь. Ну, конечно, я понимаю.

З е н о б и я. Как раз сегодня он прямо из больницы поехал в горную деревушку. Там женщина рождает со вчерашнего дня, и мой муж... Боюсь, дорога там... и так скользко сегодня... Поехал на своей машине. Когда берет служебную машину, он едет осторожнее. Но он уже скоро должен вернуться. Я немного волнуюсь и поэтому рада, что вы...

М а т ь. Обязательно вернется. Он слишком умен, чтобы рисковать.

З е н о б и я. Чует мое сердце, что он торопится, и потому боюсь за него... но, знаете, иногда все решают секунды, несколько капель крови, один удар сердца.

М а т ь. Разумеется. Я понимаю. *(Пауза.)* Я вижу, что вы приготовили...

З е н о б и я. Да. Обычно мы едим в кухне, но сегодня...

М а т ь. Какое-нибудь семейное торжество?

З е н о б и я. Годовщина нашей свадьбы. Пятнадцатая. Я хотела...

М а т ь. Пан доктор помнил об этом или был тоже «слишком занят»?

З е н о б и я. Нет. Это уже моя забота. Я хотела...

М а т ь. Это очень мило, что вы хотели. *(Подходит к столу.)* Вино и свеча. Но ведь это вино не годится... Для годовщины свадьбы... И этот подсвечник! С таким подсвечником можно ходить в погреб или хлев...

З е н о б и я. Другого у нас нет, а я хотела зажечь эту свечу, как только муж постучится. Но, раз вы считаете... Я действительно родилась и выросла в этом городке и не знаю, какое вино к чему подходит. Зато и в погребе, и в хлеве у нас уже проведено электричество.

М а т ь. Но ведь... я догадываюсь... что пан доктор не здешний. Вероятно, он приехал сюда из иного, иного... Я не нахожу слова.

З е н о б и я. Мира.

М а т ь. Что-то в этом роде. Несомненно, родители привили ему определенные принципы... Нет, не зажигайте эту свечу, когда постучится пан доктор. Это может сконфузить его или, хуже того, позабавит своей неуместностью. Впрочем, извините меня, я не знаю местных обычаев и не имею права вмешиваться.

Зенобия. А почему бы нет? *(Ей хотелось бы ответить резче, но она сдерживается в присутствии этой пожилой незнакомой женщины, перед которой немного робеет.)* Мы совсем не против поучиться у других и даже бываем благодарны, но это, видите ли, не значит, что мы менее восприимчивы. Пятнадцать лет назад, когда я шла под венец...

Слышны шаги на лестнице.

Мать. Так что же — пятнадцать лет назад?

Зенобия. Пятнадцать лет — это много, особенно если рядом такой человек, как мой муж, не правда ли?

Мать. Да, конечно... хотя... все зависит от того, кто и где... У вас красивое кольцо. Покажите, пожалуйста.

Зенобия протягивает руку. Мать снимает кольцо, которое легко соскальзывает с пальца. Зенобия озадачена, но не подает виду; Мать, стиснув кольцо в руке, некоторое время глядит на Зенобию с грустью, как бы укоризненно, затем разжимает кулак и смотрит на кольцо.

Какое красивое.

Зенобия. Да. Старой венецианской работы.

Мать. Действительно. Это подарок к сегодняшней годовщине?

Зенобия. Нет, я получила его от мужа как раз пятнадцать лет назад. Это семейная реликвия, она досталась мужу от матери...

Мать. ...а мать получила его от своего отца, а отец — от своей матери со словами: «Подари его только той, которую ты когда-нибудь предпочтешь всем женщинам мира».

Зенобия. Откуда вы это знаете?

Мать. Таковы традиции в семьях... Не во всех семьях...

Зенобия. Я очень редко его надеваю. Оно мне великовато. Муж хотел его переделать, но... Видите ли, на нашей свадьбе недоставало только родителей моего мужа.

Мать. Понимаю. Ну что ж, иногда женщина, которую выбирает сын, не кажется его родителям той, которую он должен предпочесть всем женщинам мира. Я угадала?

Зенобия. Да.

Мать. Ничего не поделаешь. *(Возвращает кольцо, разглядывает комнату, замечает кружевные салфетки.)* Вы сами их вяжете?

Зенобия. Нет, это подарки.

Мать. Подарки? Так выполненные? Можно ли дарить нечто подобное?.. И пан доктор соглашается, чтобы они лежали на виду?

Зенобия. Он привык, хотя сперва... Все-таки привык.

Мать. Привык, говорите?

Слышны шаги на лестнице.

Мать. Неужели?..

Зенобия. Пожалуй, еще нет. Хотя... Нет.

Мать. Как? Вы не узнаете шагов своего мужа?

Зенобия. Прежде, первое время после свадьбы, он обычно бежал по лестнице. Тогда я знала, что это он. Но с годами шаги моего мужа делались все медленнее...

Мать. Не хотите ли вы этим сказать, что с каждым годом он все меньше торопился домой?

Зенобия. Нет, конечно нет. Просто у него все прибавлялось работы в больнице, он хотел, чтобы больным было лучше, часто во время разговора со мной точно выключался, даже, случалось, при гостях вдруг выходил и запирался в своем кабинете. Знаете, бывает, что и ночью за ним присылают. Я говорю: останься, надо выспаться, но знаю, что это напрасно, уж если решил ехать, ничто и никто не удержит. Теперь, поднимаясь по лестнице, он иногда вдруг оста-

навливается, словно забывая, куда идет и вообще где находится. Поэтому я не всегда могу узнать его шаги. А что касается того, о чем вы говорили, вряд ли это так. Я стараюсь, как могу, ведь если бы ему было со мной плохо, он, право же, мог бы устроить свою жизнь иначе.

М а т ь. Значит, так? Значит, мог бы?.. Вы так полагаете?

З е н о б и я. В прошлом году ему предлагали пост главного врача больницы, но я не согласилась. И хорошо сделала.

М а т ь. Вы в этом уверены?

З е н о б и я. Да. Вполне. Будь я моложе, может быть, и захотела бы... чтобы мы переехали в Варшаву, в большой мир... Вы меня понимаете. Девушке, которая родилась и выросла в маленьком городке, хочется... хоть раз в жизни... Но теперь, спустя пятнадцать лет... Вот если бы Анджей был другим, думал только о себе...

Шаги на лестнице. Стук в дверь.

З е н о б и я. Извините.

Зенобия выходит. Мать садится в кресло. Входит Слепая, за ней Зенобия. Она целует Слепой руку, помогает снять пальто. Слепая держит в руке какой-то маленький предмет, завернутый в белый платочек.

С л е п а я. Оставь мне палку. Без палки я как без рук.

Зенобия берет ее под руку.

Не надо, я сама. *(Идет к пустому креслу, садится)*. Твоего нет?

З е н о б и я. Поехал в Быстрицу, к роженице.

С л е п а я. Дело важное, да плоха дорога. Скользко.

З е н о б и я. Да, но ничего не поделаешь. Боюсь, ведь там...

С л е п а я. А ты не бойся. Мальчонка еще у вас?

З е н о б и я. У нас.

С л е п а я. А как его отец?

З е н о б и я. Пока никак.

С л е п а я. А ты не отдавай. Как твой порешил, тому и быть. Конечно, он предпочел бы своего собственного...

З е н о б и я. Мама, прошу тебя.

С л е п а я. Но раз уж господь бог распорядился иначе — его воля, и дело с концом. Ужин приготовила?

З е н о б и я. Да, стоит на плите.

С л е п а я. Твой приедет голодный, надо, чтобы все было с пылу с жару. *(Осторожными движениями проверяет расставленные на столе приборы.)* Говорила тебе: клади ложку черенком вправо, потому что человек ест правой рукой, разве что господь бог наказал его и он левша. Свечка? Можно и свечку. Понимаю. Пойду я, хочу только одну безделицу вам оставить.

З е н о б и я. Мама, сколько раз я и Анджей просили, чтобы ты не утруждала себя.

С л е п а я. Пустое. А на что еще я способна? Когда руки заноят, подержу их на коленях — и дело с концом. *(Развязывает узелок, достает кружевную салфетку.)* Такого узора у вас еще не было.

З е н о б и я. Спасибо, мама, но право же...

С л е п а я. Поменьше болтай. Мать тебе дает — бери. Ведь мать-то от всего сердца дает. *(Встает, подходит к столику в глубине комнаты, раскладывает на нем салфетку.)* Ну как? Подходит?

З е н о б и я. Да.

С л е п а я *(по очереди ощупывает мебель, на которой лежат салфетки)*. Теперь я знаю, что они у меня получаются красивые и ровные. Ведь если бы они такими не были, вы бы их не держали на виду. Я вам свяжу еще накидки на спинки кресел, узор уже придумала. *(Подхо-*

дит к пустому креслу и меряет ширину спинки.) Хорошо, ширину я запомнила. (Возвращается к своему месту у столика, вдруг останавливается.) У тебя кто-то есть?

Мать делает знак Зенобии, чтобы та молчала.

Зенобия. Нет, мама.

Слепая. Меня уж не обманешь, хоть я и слепая. погоди, только помалкивай, сама найду. (Вытягивает руки и осторожно идет в сторону Матери.) Хорошо пахнет! Духи. Твой отец только раз купил мне духи, перед свадьбой. Я тогда от этой его щедрости разревелась, как дурочка. (Подходит к Матери, касается ее волос.) Старые. Такие же, как мои. (Трогает лицо и руки Матери.) Все сходится. Уже знаю. Вы...

Мать. Да. Я его мать.

Слепая. Я рада, что через столько лет мы наконец можем посмотреть друг другу в глаза.

Зенобия. И я догадывалась, хотя не была уверена.

Слепая. Ты, Зенка, сиди теперь тихо и помалкивай. Я с гостьей потолкую, как мать с матерью.

Мать. Я не совсем понимаю, извините меня, о чем?..

Слепая. Извиняться потом будем, а теперь потрудитесь меня выслушать.

Мать. Что это вы ко мне так свысока?

Слепая. Не свысока, нет. Просто таю я на вас в сердце обиду. За них, не за себя, хотя...

Зенобия. Мама, прошу тебя!

Проезжает автомобиль.

Слепая. Окажите милость, ответьте мне, прошу вас, от души прошу, теперь я говорю без злобы и обиды. Я не вижу вас, но могу себе представить. Почему, почему?

Зенобия. Мама, прошу тебя!

Слепая. А я ждала, я знала, что когда-нибудь вы приедете и я спрошу вас: почему?

Мать. Почему я приехала?

Слепая. Нет, не об этом, а про те годы. Ведь я этого никак в толк не возьму.

Мать. Разумеется, удобнее всего смотреть на все со своей колокольни.

Слепая. Да, моя колокольня совсем другая, и если бы вы могли хоть раз моими глазами... Хотя теперь уже ничего нет... Простите, покорнейше прошу прощения, это ваше дело, а не мое. Но я чувствовала, знала, что придет в вашей жизни такой день, когда вы станете перед зеркалом и увидите там другого человека, не такого, как раньше, другую женщину, другую мать, и что вы тогда приедете. Зеня, подай мне пальто.

Мать. Пожалуйста, останьтесь. Я постараюсь все это...

Слепая. Не надо. Уже не надо. Ведь вы приехали, этого достаточно, хорошо, что вы приехали. Спасибо вам. Зенка!

Зенобия подает пальто.

До свидания, сударыня.

Зенобия. Я провожу тебя, мама, а то уже темно.

Слепая. Не надо. Мне даже полезно знать, что темно, тогда я лучше слышу и бываю осторожнее. Еще раз благодарю. (Выходит в сопровождении Зенобии.)

Мать поправляет волосы, нервно расстегивает и застегивает воротник блузки.

Возвращается Зенобия.

М а т ь. Я сожалею, что опрометчиво отозвалась об этих салфетках, но я не представляла...

З е н о б и я. Ничего, мы ведь сами понимаем, что они не очень-то красивые, но эта работа для моей матери... Знаете, иногда мне кажется, что она больше любит Анджея, чем меня.

М а т ь. Не удивляюсь. За все то, что он для вас сделал... К сожалению, это, по-моему, ничего не может изменить в наших отношениях.

З е н о б и я. Как вам угодно... А я догадывалась... Если я сказала что-нибудь не так, как следует, прошу извинить меня.

М а т ь. Помилуйте, еще чего. Признаюсь даже, что представляла вас иначе. Менее... как бы это выразиться...

З е н о б и я. Я наверняка была другой, когда выходила замуж за Анджея. Но он был терпелив и снисходителен ко мне. А я старалась...

М а т ь. Это заметно. Но все равно мы совершенно разные люди.

Зенобия подбегает к окну.

Я на вас в обиде, и этого ничто не сможет исправить.

З е н о б и я. Может, вы чего-нибудь отведаете?

М а т ь. Только когда вернется Анджей.

Зенобия садится. Шум проезжающего автомобиля.

Будем обращаться друг к другу так же, как до сих пор. Надеюсь, вы меня понимаете.

З е н о б и я *(как бы разговаривая сама с собой)*. Почему он задерживается?

М а т ь. Успокойтесь, пожалуйста. Вернется. Я не хотела бы быть с вами слишком суровой. Ну что ж, пятнадцать лет — это очень много, хотя иногда мне кажется...

Неторопливые шаги на лестнице.

Может, это он? Зажгите свечу.

Зенобия зажигает свечу и тут же гасит.

Я была здесь только один раз, шестнадцать лет назад, когда Анджей получил место после окончания института. Тогда он обещал мне, что поработает тут год-два, не более и вернется. Но получилось иначе.

З е н о б и я. Это не моя вина.

М а т ь. Скажу откровенно — даже хорошо, что мы одни. Так вот, я приехала сюда... Неужели мне почудилось?.. Нет, в той комнате кто-то есть.

З е н о б и я. Это ребенок. Шестилетний мальчик.

М а т ь. Кто-нибудь из ваших родственников?

З е н о б и я. Нет. Анджей взял его из больницы. Мать умерла, а отец очень плохой человек. Бил его и вообще... Он у нас уже две недели.

Проезжает автомобиль.

Кто-то должен был о нем позаботиться.

М а т ь. Но почему именно Анджей? Ведь это и связывает, и налагает определенные обязательства.

З е н о б и я. С местами в детском доме трудно, волокита, знаете ли, так вот Анджей... Ведь он занят не только больницей — в нашем городке непочатый край работы.

М а т ь. Я слушаю ваши речи, смотрю на вас и как-то не могу всего этого увязать. Мне трудно представить себе Анджея и врачом, и вашим мужем, и зятем вашей матушки, и моим сыном, и еще вдобавок приемным отцом.

З е н о б и я. Вот как? А я это великолепно представляю.

М а т ь. Вы были воспитаны в другой атмосфере, и ваши родители ожидали от вас чего-то совсем другого, нежели мы от Анджея. Когда я шла со станции... да, новые дома, магазины, скверы; не видно развалин, стало как будто почище, люди одеты лучше, чем шестнадцать лет назад, но что изменилось в них самих?

З е н о б и я. Не знаю. Я только знаю, что не каждый день у нас бывают похороны, зато крестины ежедневно.

М а т ь. Я ведь совсем о другом. Впрочем, оставим это. Скажу откровенно...

Г о л о с р е б е н к а. Тетя, я хочу есть.

З е н о б и я. Сейчас, Павелек, принесу тебе что-нибудь поесть. (*Выходит.*)

Мать, рассматривая комнату, замечает довольно толстый альбом с фотографиями и открывает его. На первой странице белой тушью выведено: «Зенобии — Анджей» и дата. На каждой странице одна-две фотографии: Зенобия с черной кошкой на фоне цветов, Анджей в белом халате среди работников больницы, какой-то шуточный снимок, свадебная фотография — та же, что на стене, только поменьше. Похороны. Маленький гробик с изображением креста и песочных часов. Мать подносит альбом к глазам, снимок теряет контрастность.

Зенобия возвращается, неся поднос с едой. Уходит в соседнюю комнату. Мать снова рассматривает альбом: Зенобия и Анджей перед домом, Зенобия на фоне автомобиля. Анджей и Зенобия с лопатами на фоне щита, врытого в землю, на щите надпись: «Здесь будет новая школа». Затем около дюжины неприклеенных фотографий.

Возвращается Зенобия.

М а т ь. Присядьте, пожалуйста. (*Обе садятся.*) А знаете... теперь и я начинаю волноваться. Далеко ли эта деревня?

З е н о б и я. Двадцать километров.

М а т ь. А сегодня такая гололедица. (*Пауза.*) Так вот, я буду откровенна: мне просто хочется, чтобы Анджей отсюда уехал.

З е н о б и я. Уехал? Навсегда?

М а т ь. Да. И как можно скорее.

З е н о б и я. Простите, но я не понимаю.

М а т ь. Извините, но я должна внести ясность. Ни я, ни мой светлой памяти супруг не были довольны его выбором первого места работы. Но мы полагали, что через год, самое большее два, он возвратится в Варшаву и займется частной практикой. Скажу откровенно, разве все это для такого человека, как мой сын? Я знаю его лучше всех. Что мог дать ему такой маленький городок? На какую карьеру здесь можно надеяться? Но потом совершенно неожиданно появились вы. Не перебивайте меня. Я жду от вас лишь одного — чтобы вы не мешали, что же касается ваших возможных условий, то, какие бы они ни были, я их все принимаю заранее.

З е н о б и я. Простите великодушно, но я не понимаю...

М а т ь. Не будьте наивной.

З е н о б и я. Но Анджей... Анджей — мой муж.

М а т ь. Я прежде всего заинтересована в том, чтобы он уехал отсюда. Навсегда. Уговорите его, растолкуйте по-своему. Он здесь пропадет, затеряется, ничего не достигнет.

З е н о б и я. Что вы говорите? Скольких он спас!

М а т ь. Прекрасно. А о нем, о нем самом вы не думаете? Конечно, это очень легко, это проще простого — привыкнуть, как вы говорите. А откуда вы знаете, что он привык? Что вы можете знать об окружающем мире, о жизни вообще? Вы, выросшая в маленьком провинциальном местечке, откуда дальше кончика своего носа ничего не увидишь.

З е н о б и я. Не знаю.

М а т ь. Вы не знаете, я верю этому. Но, когда он приехал сюда, вы знали, что надо делать, чтобы привязать его к себе.

З е н о б и я. Он мне понравился, обыкновенно, как парень девушке.

М а т ь. А если бы он принадлежал к тому же самому... извините, кругу, что и вы, он тоже понравился бы вам?

З е н о б и я. Конечно. Только таких людей, как Анджей, к сожалению, не так уж много. *(Зажигает свечу.)*

М а т ь. А я ничего не слышала. *(Пауза.)* Действительно идет.

Шаги на лестнице и свист.
Зенобия гасит свечу.

Значит, он вам тогда просто понравился? Вы знали, что он слишком благороден, слишком порядочен, чтобы уклоняться от ответственности за свой необдуманный шаг.

З е н о б и я. Но ведь я ему тоже понравилась. Иначе бы...

М а т ь. Знаю, знаю...

З е н о б и я. Через некоторое время я поняла, что...

М а т ь. Знаю. Именно это я и имела в виду. Но мне не верится, что Анджей был вашим первым мужчиной. *(Пауза.)* Скажите мне.

З е н о б и я. Нет, не был.

М а т ь. И, несмотря на это, решил на вас жениться?

З е н о б и я. Да. Несмотря на это.

М а т ь. Потому что вы не предупредили его вовремя. Вы не хотели его предупредить.

З е н о б и я. Нет, я с самого начала не скрывала. Он тогда поехал к вам, а когда вернулся...

М а т ь. Все равно. Вы не имели права портить ему жизнь и навсегда его связывать! Не имели права!

З е н о б и я. Но это не так, совсем не так! *(Плачет.)*

Звонит телефон. Зенобия порывисто вскакивает, подбегает к телефону и с трудом овладевает собой.

Да. Нет, еще нет. Очень беспокоюсь. Привезли больного? Несчастный случай? Операция... К сожалению... Хорошо, как только он вернется. Конечно. *(Кладет трубку.)*

М а т ь. Вы сами понимаете, какую причинили нам боль. Старшего сына мы потеряли на войне, тут я могу быть в претензии только к господу богу. У нас остался один Анджей. После того как он уехал сюда... Да успокойтесь же, ради бога! После его отъезда мы с мужем почувствовали себя очень старыми, нужными только друг другу, а этого мало. Поймите, что мы пережили, когда Анджей сообщил нам о своем решении. Мы до последнего момента надеялись, что до этого не дойдет, что он опомнится. Мы не были на свадьбе нашего единственного сына. В тот день... мой муж впервые в жизни... *(Делает движение, как бы смахивая слезу.)* Правда, он тогда очень нервничал... Умирая, просил, чтобы я его простила. Но сказал, что Анджея не простит никогда. Вы знаете, что я написала Анджею только после похорон.

Шум проезжающего автомобиля.

Может, это он? Дайте слово, что не будете уговаривать его остаться! И успокойтесь, очень прошу вас. Так распускаться — дурной тон.

З е н о б и я. А что же — хороший тон? Может, вы скажете наконец, а то я не знаю. По-вашему, я не имею права знать, вообще не имею никаких прав!

М а т ь. Ах, позвольте!

Зенобия. Вы думали, что найдете здесь бедную золушку, чумающую судомойку... Может, я и была бы такой, но за пятнадцать лет... Я тоже хотела быть достойной его, и теперь вы удивляетесь... вы приехали сюда, чтобы... А я-то в первые минуты, когда вы заговорили о нем, об Анджее, я была готова... Да, действительно, мне показалось, что, возможно, вы и правы, но теперь я говорю вам: нет! А как же иначе! Столько лет труда... у меня нет ни образования, ни такой красоты, ни... чего еще вы там для него желали, но мы вместе столько лет, и у меня тоже есть какие-то права на него. Я... У меня... у меня, кроме него, нет никого, ничего, понимаете? И поэтому я говорю вам: нет, нет!

Мать. И ты мне это говоришь? Ты, которая...

Зенобия. Вы ничего не знаете, ничего, ни обо мне, ни о нем, вы способны сердиться, и только, вы не хотели посмотреть на нас, на него... а эти пятнадцать лет... эти пятнадцать лет были нашей жизнью... и его, и моей... и не только нашей... тут живут и другие люди, и никто не имеет права, никто, никто, даже вы!

Мать. Кто-то идет.

Слышны шаги на лестнице и довольно громкий стук.
Зенобия идет открыть, уверенная, что это Анджей.
Входит Начальник милиции, за ним Зенобия.

Начальник. Кого я вижу, вот здорово! Матушка, не так ли? То-то Анджей порадовался.

Зенобия. Анджея нет, но он скоро вернется.

Начальник. Разрешите представиться: капитан Станислав Гжесяк, начальник здешнего управления гражданской милиции, блюститель общественного порядка, значит, почти ангел-хранитель и тому подобное собственной персоной. Где скитается Анджей в такую пору?

Зенобия. Поехал в Быстрицу, к роженице.

Начальник. Чтобы еще одним хулиганом стало больше на свете?

Зенобия. Давно уже должен вернуться. Боюсь я за него. Не мог бы ты...

Начальник. Нечего бояться. Это я тебе говорю. Его еще ни разу не штрафовали за нарушение правил безопасности движения.

Зенобия. Присядь, пожалуйста.

Начальник. Мне некогда. *(Снимает плащ и бросает на кресло. Зенобия хочет взять его.)* Оставь, иначе засижусь, а нельзя. *(Садится.)* Мне только что доложили, что поблизости скрывается один опасный тип. Вооруженный. Мы должны все так организовать, чтобы во время облавы не погиб ни один человек. А тут как назло моя Каська захворала. У нее температура и плачет от боли. Говорю жене, чтобы положила ей компресс на живот, а жена не хочет. Обозвала меня знахарем. Вот как бывает, сударыня, в собственном доме самого начальника милиции в один момент могут разжаловать. С опаснейшими бандитами человек справляется, а с собственной бабой — бессилён. Истинный конец света! Когда Анджей вернется...

Мать. Он придет очень усталый. Разве он единственный врач в этом городке?

Начальник. Нет, но, видите ли, лучшие чудотворцы те, которых хорошо знаешь. А мы с Анджеем, как говорится, два сапога — пара. Уже много лет. Не скрою, поначалу были с ним неприятности. Как только начал работать в больнице, все ему не нравилось: постановка дела, уход, питание, даже сиделки. Хотели его отсюда выжить. Вы представляете, как сложно сработаться с людьми.

Зенобия. Погоди.

Начальник. А что?

Шаги на лестнице.

Зенобия. Нет, еще не он. Сташек, позвони, пожалуйста, в управление, пусть пошлют какую-нибудь машину в сторону Быстрицы. Я в самом деле боюсь.

Начальник. Будет исполнено. *(Встает, подходит к телефону. Набирает номер.)* Галинка, дай мне срочно управление. *(Пауза.)* Еще не вернулся. *(Пауза.)* Говорит Гжесяк. Быстро направьте машину с рацией в сторону Быстрицы и поищите там доктора. Только мигом! *(Кладет трубку.)*

Зенобия. Спасибо тебе.

Начальник. Видите, пани? Милиция — это сила! О чем это я?.. Ага. Так вот, кое-кто хотел от него избавиться. Ведь люди не любят, когда им говорят, что они делают не то, что положено. Признаться, я сам не знал, как быть с этим переплетом. А потом сказал им: чего вам от него надо? Что он, все к рукам прибрать хочет или старается, чтобы всем было лучше? Приехал парень в эдакую дыру, желает работать, ваше дело за ним приглядывать, а не мешать! Оставили его в покое. Поняли. Убедились. Тут, знаете, люди обыкновенные, простые, ничего в жизни не видали, а Анджей, честное слово, к каждому умеет подойти. Впрочем, чего ради я вам это рассказываю? Поживете здесь несколько дней, сами удостоверитесь.

Мать. Я приехала не за тем, чтобы остаться.

Начальник. Я не говорил о постоянном жительстве, хотя тут тишина, а вы уже не молоды, воздух свежий, лес близехонько, тут грибки, там рыбка, сами понимаете.

Зенобия. Пани приехала, чтобы...

Мать. Прошу вас, не надо. Это наше семейное дело.

Зенобия. ...чтобы уговорить Анджея уехать. Навсегда.

Мать. Выходит — так.

Начальник. Да? А с кем я буду играть в шахматы? Во всей округе только он один подходящий партнер для меня. Правда, ксендз тоже играет в шахматы, но где ему тягаться с Анджеем!

Мать. Ну, знаете ли...

Начальник. Кроме того, он давно тут, всех знает насквозь, в темноте разберет, где у кого сердце, где почки, где желудок и прочие потроха.

Мать. Незаменимых людей нет.

Начальник. Верно, но, видите ли, мы с трудом привыкаем к чужим. Анджея уже все считают своим. Такой врач — не просто медик... а нечто большее, это авторитет! Когда нужно уладить какое-нибудь серьезное дело, идет Анджей. Врачу трудно отказать, ведь каждый сознает, что когда-либо может превратиться в пациента.

Проезжает автомобиль.

Да я прикажу вас арестовать! Вы действуете сознательно и преднамеренно в ущерб нашим гражданам. Пять лет!

Мать. Вы шутите.

Начальник. А вы как думаете? Конечно шучу. Теперь поговорим серьезно: чего вы хотите?

Мать. Вы это прекрасно понимаете.

Начальник. Да, понимаю, черт подери. Простите. *(Пауза.)* Сколько лет он здесь живет?

Мать. Шестнадцать. Не кажется ли вам, что этого достаточно? Может быть, вы считаете, что он уже поставил на себе крест? А я? Разве я, старая и одинокая женщина, не имею права потребовать от своего сына хоть чуточку сердечности?

Н а ч а л ь н и к. Да... Говорят, что матери рожают детей не для себя...
Что ж, дело не мое. Но мне кажется, что если бы все порядочные люди стали удирать из таких городков, как наш, то на карте страны образовались бы огромные белые пятна и тогда было бы очень скверно.

Г о л о с р е б е н к а. Тетя, я уже поел!

З е н о б и я. Хорошо, Павелек. *(Выходит.)*

Н а ч а л ь н и к *(быстро подойдя к матери, шепотом)*. А она? Что вы могли иметь против нее, раз она столько лет...

М а т ь. Только одно: если бы не она...

Н а ч а л ь н и к. Неправда!

Зенобия возвращается с подносом.

Если когда-нибудь к вам заявится его отец и начнет скандалить, немедленно звони мне. Уж я его успокою.

Зенобия выходит на кухню.

М а т ь. Я еще до их свадьбы слышала о ней то да сё. Я имела право знать, кем нас порадует наш сын.

Н а ч а л ь н и к. Простите, но вы все несколько упрощаете, а судьбы человеческие часто бывают очень запутанными. Человек хочет одного, а получается шиворот-навыворот. Вы, например, ждали, чтобы сын «образумился» и стал на путь истинный,— и на пятнадцать лет потеряли сына.

М а т ь. Я приехала сюда затем, чтобы обрести его.

Н а ч а л ь н и к. Вы полагали, что в таком городишке, как наш, ему будет тесно? Что он остался тут из упрямства или назло?

М а т ь. Да.

Н а ч а л ь н и к. А может, он открыл для себя здесь, именно здесь, нечто очень ценное, о чем раньше не имел представления, и поэтому остался?

М а т ь. Панну Зенобию?

Н а ч а л ь н и к. У него репутация хорошего хирурга и порядочного человека, дом, куда он возвращается после работы, не заходя по дороге в пивнушку, и в этом доме женщина, которая достойна его. В свободные минуты он играет со мной в шахматы, вы представляете — с самим начальником уездного управления милиции! А теперь прикиньте: неужели здешние люди хуже тех, которых вы принимаете в своем доме?

М а т ь. Пожалуйста, не говорите так!

Н а ч а л ь н и к. Жаль, что вы не побывали здесь сразу же после войны. Руины легко убрать, а вот если бы не было таких людей, как Анджей, кто бы боролся со знахарством, вшивостью, пьянством, невежеством, расхищением общественного добра? Кто бы ратовал хотя бы вот за те цветы, что растут на рыночной площади, за новую школу, новые дома, асфальт на улицах, чтобы люди не утопали в грязи, за освещение и нужники на окраинах, наконец, черт подери — извините,— кто бы подавал хороший пример другим?

М а т ь. Говорите своими словами, а не заимствованными из газеты.

Н а ч а л ь н и к. Будет исполнено. По дороге с вокзала вы должны были пройти мимо новой школы. Красивая, верно? А знаете, как с ней было? Анджей это провернул в воеводстве. Деньги нашлись, хуже было с директором. Никто не хотел сюда ехать, захоlustье, мол. Однажды Анджей куда-то отправился, разыскал одного голубчика с дипломом, которого за несколько лет до этого буквально сложил собственными руками из маленьких кусочков, и сказал ему: «Поехали, будешь директором школы». И привез его к нам. Тот хотел сра-

зу приступить к работе и спрашивает, где школа. Анджей привел его на пустырь между вокзалом и рынком, топнул ногой о землю и сказал: «Вот здесь твоя школа». И тот остался, и директорствует. Трудно было? Да, было трудно, и еще трудно, и будет нелегко, но такова жизнь. Вот в чем дело. Не отнимайте этого у Анджея. И у нее, у нее тоже. Ведь она поверила Анджею.

М а т ь. Не удивительно.

Н а ч а л ь н и к. Потому что он ваш сын? А почему Анджей, по-вашему, не злоупотребил ее доверием? Только ли потому, что он ваш сын? А может, он попросту любит ее — и все?

М а т ь. Быть может, действительно...

Н а ч а л ь н и к. Они вместе трудились. Начинали с нуля. С первого совместно купленного полотенца. Даже после той их трагедии он остался с ней и с нами. Никто не принуждал, а остался. Знаете ли вы, скольких людей это заставило призадуматься?

М а т ь. Мы с мужем представляли себе все это по-другому. Но я не знала, ведь мы думали, что он тут работает только в больнице, и поэтому...

Н а ч а л ь н и к. Я хочу вам еще кое-что сказать, только не сердитесь. Я знаю Анджея (*начинает одеваться*) уже шестнадцать лет, и мне известно, что все эти годы он ждал вас. Верил, что когда-нибудь вы его поймете и простите. Ну а сегодня, когда он вернется... Когда он вернется, попросите его, чтобы, несмотря на усталость, он приехал к моей девчужке, хорошо?

М а т ь. Разумеется.

Телефонный звонок, Зенобия возвращается из кухни и идет к телефону.

Н а ч а л ь н и к. Спасибо вам, большое спасибо!

З е н о б и я (*у телефона*). Да. Здесь. (*Начальнику.*) Тебя.

Н а ч а л ь н и к (*берет трубку*). Да. Да. Да. Неужели!.. (*Преодолевает волнение.*) Хорошо. Ладно. Иду. Ждите меня у книжного магазина. (*Кладет трубку.*)

М а т ь. Что-нибудь случилось?

Н а ч а л ь н и к. Случилось?

З е н о б и я. Этот бандит?

Н а ч а л ь н и к. Что? А, бандит! Да, да. Извините. (*Выходит.*)

Зенобия тоже выходит.

Мать машинально берет альбом с фотографиями, открывает его, переворачивает страницы, но не разглядывает их, а смотрит прямо перед собой, словно о чем-то напряженно думая, она взволнована.

Возвращается Зенобия.

З е н о б и я. Вы на меня не сердитесь? Я не хотела, но это как-то само... Я очень перед вами виновата, не знаю, что со мной случилось, я впервые в жизни, с матерью... Пожалуйста, не говорите об этом Анджею, очень прошу. Я так волнуюсь!

М а т ь (*с трудом овладевая собой*). Зенобия, скажи мне... Скажи мне, вы хотите оставить у себя этого ребенка?

Проезжает автомобиль.

З е н о б и я. Что? Нет, наверно, нет. Мы не имеем права. Если бы он был сиротой...

М а т ь. А вы не думали о том, чтобы все-таки обзавестись ребенком?

Слышно, как проезжает автомобиль.

З е н о б и я. Да, мы думали, но все как-то не могли решиться.

М а т ь. Мне кажется, что я смогла бы помогать вам. Понимаешь, я не чувствовала бы себя такой ненужной.

З е н о б и я. Поговорите об этом с Анджеем, когда он вернется.

Шаги на лестнице. Зенобия выбегает в прихожую.

Шаги стихают.

Мать подходит к двери соседней комнаты, открывает ее.

М а т ь. Спи... спи, маленький, дядя сейчас приедет.

Г о л о с р е б е н к а. А ты кто?

М а т ь. Я старенькая добрая бабушка. Спи, спи. (*Закрывает дверь.*)

Звонит телефон. Мать берет трубку.

Да. Говорит его мать. Почему вас это удивляет? Простите, но это уж мое дело. Нет, его еще нет, но он, вероятно, скоро вернется. (*Пауза.*) Да, вы правы, это очень важно.

Зенобия возвращается.

Разумеется, передам. Нет, не забуду. Спокойной ночи. (*Обращаясь к Зенобии.*) Звонил какой-то гражданин насчет стадиона.

З е н о б и я. А, знаю. Анджей им помогает. Речь идет о санитарном оборудовании и врачебном контроле.

Обе женщины садятся рядом. Проезжает автомобиль.

Шаги на лестнице. Зенобия берет спички, но не зажигает.

М а т ь. Боюсь я, Зенобия, страшно боюсь. Знаешь, когда этот милицкий говорил по телефону... Впрочем, нет, нет. А ты?

З е н о б и я. Я? Я тоже. И хотя Анджей часто выезжает... к этому невозможно привыкнуть. Но если один человек тревожится за жизнь другого, только тогда...

М а т ь. Зенобия, не говори мне «вы», обращай ко мне иначе.

З е н о б и я. Когда Анджей вернется, хорошо?

М а т ь. Как угодно. Знаешь, теперь, после смерти мужа, мне не хватает его шагов на лестнице. Когда проживешь вместе столько лет... Он тоже первые годы после свадьбы бежал по лестнице от самого парадного... а последнее время все останавливался на площадках между этажами, словно в нем самом что-то притормаживало... (*Смолкает, прислушивается.*) Нет, мне показалось. (*Пауза.*) Еще и теперь, услышав чьи-то шаги, я подхожу к двери и выжидаю, а потом спохватываюсь, что уже некого ждать. Может, и впрямь человек живет лишь до тех пор, пока кого-нибудь ждет?

З е н о б и я. Верно вы сказали об ожидании. Так оно и есть. Ведь я тоже каждый день дожидаюсь Анджея и особенно волнуюсь, когда знаю, что у него операция. Понимаете, иногда достаточно пустяка... Прежде, вскоре после свадьбы, я об этом не думала столько, сколько теперь. Сейчас-то я знаю куда больше, хоть и без образования.

М а т ь. У тебя нет образования, говоришь?

З е н о б и я. Да. Может, не столько по неспособности, но... не получилось. Сама хорошо понимаю, что не такая женщина должна быть рядом с Анджеем. Он приехал сюда... (*Замолкает, прислушивается.*) Мы познакомились, он был одинок, как и я... я забеременела и не думала, что он женится на мне, а он женился. Ребенок прожил только два месяца, я и сама чуть не умерла, может, поэтому он и остался со мной... Никто не неволил. Я всегда знала, что родители были против меня.

Шаги на лестнице. Зенобия подбегает к двери.

М а т ь. Сядь, пожалуйста. Когда ты нервничаешь...

З е н о б и я. Может, надо что-то сделать, позвонить, поехать. Я больше не могу ждать сложа руки, не могу выдержать этого ожидания, шума этих машин, шагов на лестнице!..

М а т ь. Ты сделала все, что могла! Ваш милицкий обещал послать машину. Мы должны только ждать. Сядь, прошу тебя.

Зенобия садится. Она почти в оцепенении.

Продолжай.

Зенобия. Я уже все сказала. Знаете, я... я постараюсь уговорить Анджея, чтобы он вернулся в Варшаву и к вам. В Варшаве он окажется среди таких же людей, как вы...

Мать. Перестань.

Зенобия. Не будет так рисковать, станет больше зарабатывать...

Мать. Перестань.

Зенобия. Я не могу с ним ехать. Моя мама... а кроме того, у нас тут своя могилка на кладбище.

Мать (*шепотом*). Перестань.

Зенобия. После того, что случилось, я уже никогда не смогу иметь ребенка. Сама не знаю, почему Анджей остался со мной. Может, поэтому. (*Снимает кольцо.*) Анджей подарил мне его еще до свадьбы, но оно... оно всегда было мне слишком велико. Я никогда не считала, что оно принадлежит мне. Возьмите его, правда.

Мать. Перестань, перестань. Я только теперь поняла... все, понимаешь, все — его, и тебя, и то... что я потеряла столько лет счастья, этого, этого уже никогда...

Проезжает автомобиль.

Я уже стара, Зенобия, нет-нет, не возражай, я знаю, что так полагается, но не перечь. Я совершенно одна. Я принадлежу к тому поколению, которое уже уходит. Навсегда.

Зенобия. Пожалуйста, не говорите так, особенно при Анджее. Он вас очень любит.

Мать. Мне страшно, что я окажусь одна в тот день, когда это начнется, и поэтому хотела бы... Но теперь знаю: несмотря на то, что со мной случится, я должна подобно всем людям пройти через это одна.

Зенобия. Пожалуйста, не говорите так, очень прошу!

Мать. Недавно ушли из жизни несколько моих близких. Это было так, словно я уходила сама. Шаг за шагом, словно каждый из уходящих уносил с собой частицу времени, которое мне еще осталось. И поэтому...

Проезжает автомобиль.

Поэтому, понимаешь? (*Пауза.*) Скажу тебе больше: по пути сюда я даже подумала, нельзя ли мне... насовсем... Не знаю, как долго еще... этого никто не ведает... Я так боялась того, что тут застану — какую семью, каких людей... ведь за столько лет... люди меняются, даже собственные дети, вот я и боялась, но сейчас...

Зенобия. В самом деле? Вы могли бы?..

Мать. Да. Благодарю тебя, от души благодарю.

Зенобия. Вы — меня? За что?

Мать. За то, что ты так громко, так ясно сказала «нет». Я... я только теперь... Идет!

Шаги на лестнице.

Зенобия. Да, это он! Боже милостивый! (*Стремительно выбегает, оставляя дверь открытой настежь.*)

На пороге появляется плечистый Крестьянин в длинном пальто, в шапке. Он слегка пьян:

Крестьянин (*вваливаясь в комнату*). Доктор дома?

Зенобия. Нет.

Крестьянин. Не беда. Подожду. Мне не к спеху. (*Замечает Мать.*) Слава Иисусу Христу и так далее. Мое почтение, барыня.

Мать. Вы пьяны, прошу вас выйти.

Крестьянин. Пьян? Чутьочку. За это в ад не отправляют. (*Садится в кресло.*)

Зенобия. В самом деле, может, подождете на улице или придете в другой раз, когда будет муж?

Крестьянин. Так ведь я не за лекарством пришел, а для разговора.

Мать. Вы слышали...

Крестьянин. А вы, бабуля, кто будете? Ага, мамаша, извиняюсь. Вроде бы нездешняя. Так вы, бабуля, помолчите, потому как мы не любим, когда нездешние вмешиваются в наши дела.

Зенобия подходит к телефону, берет трубку. Крестьянин вскакивает с кресла, вырывает у нее трубку и бросает на рычаг.

Вот ты как! Со мной так нельзя, а то я могу обидеться. Изволь сказать, где мой сын? Где мой парнишка?

Мать. Нет тут никакого парнишки.

Крестьянин. Некрасиво, мамаша, некрасиво, седьмая заповедь: не укради, восьмая — получше спрячь. А я знаю, что парнишка здесь. От людей узнал, людям все известно, а как поставишь четвертинку, так больше, чем надо, выложат.

Зенобия. Убирайтесь отсюда, а то позвоню в милицию!

Крестьянин. Нехорошо. Нехорошо. Что же это получается, ксендз страшит преисподней, она — милицией. А порядочному человеку некому пожаловаться, негде найти справедливость. Как же это так? Отнять у отца сына, да еще...

Зенобия. Вы хорошо знаете, почему у вас отобрали парнишку. Если бы не мой муж, ваш сын умер бы.

Крестьянин. Божья воля и перст судьбы.

Зенобия. Вы избивали мальчонку до потери сознания. Значит, не божья воля.

Крестьянин. Парень мой, и я имею право учить его уму-разуму. А тебе, Зенка, я скажу вот что: сейчас даже простому человеку говорят «вы». При народной демократии все равны — все сплошь пань.

Зенобия. Мальчика не получишь, и точка.

Крестьянин. Не получу, говоришь? Больно умна стала, Зенка, прежде такой не была.

Зенобия. Мое дело.

Крестьянин. Теперь-то ты пани докторша, не то что когда-то — «последнего разбора». Я знавал тебя совсем иной, пока пан доктор разок-другой не переспал с тобой...

Мать. Если вы сейчас же не прекратите...

Крестьянин. Ну и что тогда? Ну и что? Где парнишка?!

Из соседней комнаты доносится детский плач.

Крестьянин подходит к двери. Мать заслоняет ее собой. Крестьянин останавливается.

Мать. Вы туда не войдете.

Крестьянин. Не войду? Можем побиться об заклад.

Зенобия делает движение к выходу.

Мать. Зеня, не нужно. Я сама справлюсь.

Крестьянин. Пожалуйста! Бабуля сама справится! А как, нельзя ли полюбопытствовать?

Мать. Сейчас узнаете.

Крестьянин. А если я скажу пару слов, так вы узнаете кое-что насчет своей невестки. Люди помнят...

Мать. Ложь. Никто не имеет права, я... я...

Крестьянин. Ложь? Так почему же вы, бабуля, не потрудились ни разу приехать сюда за все эти годы, а? Сказать?

Мать. Не надо. Это я вам скажу.

Крестьянин. Всепокорнейше слушаю.

Мать. Пани Зенобия — жена моего сына.

Крестьянин. Согласен. И что же дальше?

Мать. Раз мой сын ее выбрал, значит, она этого стоит.

Крестьянин. Но в белой фате к алтарю она не шла.

Мать. Расскажите это тем, кто все выкладывают за рюмку водки.

Крестьянин. А еще что?

Мать. А то, что вы подлец.

Крестьянин. Повторите!

Мать. Подлец.

Крестьянин. А ну, еще раз повторите!

Мать. Подлец.

Крестьянин пристально смотрит на Мать, медленно поднимает обе руки и сжимает кулаки.

Зенобия. Мама!

Мать. Я не боюсь его, Зеня. Он прекрасно знает, что он подлец.

Мать смело смотрит Крестьянину в глаза. Неожиданно он склоняется перед ней, как бы в смиренном поклоне.

Крестьянин *(с пьяным надрывом бьет себя в грудь)*. Подлец, подлец... *(Медленно выпрямляется, поворачивается, идет к дверям, оглядывается на Мать и выходит. Его шаги на лестнице постепенно отдаляются, стихают.)*

Длительная пауза.

Мать. Зеня, он ушел и больше не придет сюда. Иди и успокой малыша.

Зенобия. И надо же, именно сегодня, когда вы к нам приехали...

Мать. Пустяки, Зеня, пустяки. Я очень довольна. Никогда бы не подумала, что смогу так расхрабриться. Я боялась, конечно, но... значит, я еще не так стара... А когда Анджей вернется, ничего ему не говори, ничего. Я сама.

Вдруг раздается телефонный звонок. Зенобия медленно подходит и берет трубку. Она производит впечатление автомата.

Зенобия. Да, да, да, да, да. *(Поворачивается к Матери, с трудом владея собой.)*

Мать. Что случилось? Говори же!

Лицо Зенобии крупным планом. Выражение ужаса сменяется облегчением.

Зенобия. Все обошлось хорошо, мама, в самом деле. Он жив — только сломал ногу. Он будет жить!

